

UNITED WISDOM

Знание коренных народов: право носителей объяснять собственный мир

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-27-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Знание коренных народов: право носителей объяснять собственный мир

«Whakapapa — связь с предками, объединяющая все whānau Ngāi Tahu».

Te Rūnanga o Ngāi Tahu, «Ngāi Tahu», раздел Whakapapa / Who We Are, первый поясняющий абзац. Собственный перевод с английского; whakapapa оставлено как название отношений происхождения, whānau — семейных общностей.

О чём эта статья

Представим редактора, который собирает материал о «мудрости коренных народов». Он находит красивую историю, вырезает из неё название места и публикует как универсальный совет современному человеку. Кажется, смысл стал доступнее. Но читатель больше не знает, кто рассказывает, кому принадлежит история и какие отношения позволили её услышать. Такая потеря меняет сам предмет знания: объяснение собственного мира превращается в ресурс чужого проекта. Эта статья рассматривает иной путь — чтение, при котором инуиты, First Nations и конкретный iwi Māori остаются участниками разговора. Мы разберём различия между наблюдением, памятью, духовным смыслом и управлением данными; увидим, почему открытость не равна отсутствию условий. Практический результат не состоит в освоении чужого знания. Он состоит в способности различать источник, носителя и своё толкование, находить адресата для вопроса и признавать пределы полученного доступа. Сходства между позициями здесь сопоставляются аналитически; общей доктрины всех коренных народов статья не предполагает.

I. Знание не бывает ничейным

Когда история отрывается от говорящего, исчезают условия её понимания. Нам остаются слова, но мы уже не знаем, кто может поправить пересказ, как проверяют его точность и почему этот сюжет рассказывают сейчас. Даже научный текст имеет автора, дату, предмет и правила использования. Странно ожидать, что знание другого народа окажется свободным от подобных связей лишь потому, что передавалось иначе.

Слово «коренные» полезно для разговора об определённом историческом и политическом положении. Однако оно не обозначает единую школу мышления. Inuit Tapiriit Kanatami говорит от имени своей организации и описывает инуитские

исследовательские приоритеты. Ngāi Tahu рассказывает историю конкретного iwi. Эти два голоса можно услышать рядом, но нельзя соединить в одну безымянную речь «древних хранителей».

Уточнение происхождения знания иногда воспринимают как лишнюю трудность. На самом деле оно улучшает качество разговора. Если утверждение относится к определённому месту и занятию, становятся понятнее его условия. Если связано с родством, нельзя оценивать его как инструкцию, которую достаточно скачать. Если выражает религиозное отношение, научное описание может объяснить контекст, но не обязано подтвердить положение веры экспериментом.

Точность начинается с маленькой перемены вопроса. Вместо «что коренные народы думают о природе?» можно спросить: «как этот автор описывает отношения своей общины с этим местом?». Ответ станет уже, зато у него появятся имя, масштаб и возможность проверки. Широкая картина строится из таких ответов, а не из усреднённой формулы. Разнообразие здесь источник понимания, а не помеха будущему единству.

II. Право объяснять включает право выбирать вопрос

Участие в исследовании не исчерпывается ответами на чужую анкету. Существенно, кто решил, что нужно исследовать, для кого нужен результат и как участники смогут его использовать. Можно внимательно записать каждое слово и всё же сохранить неравные отношения, если все решения о смысле работы принимает только внешняя сторона.

В официальном веб-обзоре National Inuit Strategy on Research ITK выделяет управление исследованиями, этическое проведение, согласование финансирования с приоритетами, доступ и контроль над данными, развитие возможностей. Эта стратегия показывает изменение роли: люди хотят быть участниками определения исследования, а не только его предметом. Мы читаем обзор, не выдавая его за полный текст программы и не распространяя на всех коренных жителей мира.

Представим условный проект по местным изменениям погоды. Внешний специалист интересуется редкими необычными рассказами. Жителей больше волнует, как полученные сведения помогут принимать решения о маршрутах или сохранять язык описания мест. Хороший разговор должен увидеть оба вопроса и определить отношение между ними. Нельзя объявить первый научным, а второй эмоциональной добавкой: различаются цели, а не обязательно способность мыслить.

Это касается и статьи, подобной нашей. Выбор темы уже определяет, кого мы ищем и какие фразы считаем значимыми. Поэтому честный автор признаёт собственную рамку. Он может объяснить, что рассматривает публичное управление знаниями, а не восстанавливает закрытую космологию. Такое уточнение оставляет источникам

пространство говорить о важных для них задачах. Оно также позволяет читателю заметить, если авторская тема вдруг начинает выдавать себя за коллективный интерес носителей.

Право отвечать включает право не вступать в предложенный разговор. Отказ может относиться к конкретной теме, аудитории или форме использования. Не нужно немедленно объяснять его враждебностью к знанию. Возможен и обычный недостаток времени. Внешний автор не знает причину, пока она не названа. Поэтому он фиксирует доступное состояние: ответа или разрешения нет, дальнейший вывод не сделан.

Такое различение уменьшает число приписанных мотивов и оставляет возможность вернуться к вопросу иначе. Можно выбрать уже открытый материал, изменить масштаб проекта или найти публично обозначенного представителя по нужной теме. Работа продолжается в пределах доступного. Настоящий диалог не гарантируется одним приглашением, однако становится возможнее, когда участник не обязан обслужить нашу потребность в завершённом ответе.

III. OCAP®: четыре отношения к сведениям

Знание о людях может стать массивом данных, которым распоряжаются вдали от них. Тогда спор о точности неотделим от спора о владении, контроле и доступе. Принципы OCAP® сформулированы в контексте First Nations: ownership, control, access, possession. FNIGC подчёркивает их конкретное происхождение и различия способов применения отдельными нациями. OCAP® — зарегистрированный товарный знак First Nations Information Governance Centre (FNIGC).

Ownership относится к коллективному владению информацией; control — к возможности управлять процессами; access — к доступу к данным и решению об условиях доступа; possession — к фактическому хранению. Эти различия полезны, потому что общая фраза «мы поделимся результатами» может оставлять все существенные рычаги прежнему владельцу базы. Переданный отчёт не обязательно передаёт контроль над дальнейшим использованием записей.

Рассмотрим условное интервью. Исследователь обещает прислать текст, но сохраняет исходную запись в системе, условия которой участник не знает. Позже запись используют для обучения программы или рекламной истории. Участник получил доступ к одному результату, однако не определял другие применения. Это не пример конкретного нарушения, а способ увидеть разницу между отношениями, которые одна общая подпись легко скрывает.

Сами принципы не дают нам готового разрешения обращаться с любыми данными. Их нельзя механически объявить универсальным протоколом всех Indigenous communities.

Практический вывод точнее: нужно выяснять, какой порядок установлен соответствующим народом и учреждением. Публичное объяснение FNIGC помогает понять структуру вопросов. Ответить за другую нацию оно не может. Уважение к модели включает уважение к границам её происхождения.

IV. CARE и ограниченность одной технической открытости

Данные могут быть удобно найдены, доступны и совместимы с другими системами, но это ещё не отвечает на вопрос об их пользе для людей. Техническая пригодность — важное качество. Она не измеряет сама по себе справедливость отношений, историю получения или право определять дальнейшую судьбу информации.

Global Indigenous Data Alliance объясняет CARE как дополнение к FAIR, ориентированное на людей и цели. В статье Stephanie Carroll и соавторов, раздел The CARE Principles and Their Supporting Concepts, раскрыты collective benefit, authority to control, responsibility, ethics: коллективная польза, полномочия контролировать, ответственность и этика.

Здесь возникает важная трудность. Иногда открытая публикация помогает сохранять язык или даёт молодому человеку доступ к знаниям, которых рядом нет. Иногда тот же технический доступ облегчает коммерческое извлечение и лишает носителей контроля. Следовательно, нельзя заранее решить, что закрытость всегда благо или что открытость всегда благо. Нужно говорить о конкретном материале, цели, адресате и принимающей решение стороне.

Для читателя это изменение привычки. Обычно мы оцениваем источник по удобству: можно ли открыть, скачать, быстро найти цитату. Более полная оценка включает происхождение и отношения. Кто ожидает пользу? Кто сможет оспорить толкование? Какие условия относятся к новому применению? Эти вопросы не заменяют проверку содержания. Они делают её достаточнее там, где сам объект связан с людьми и их коллективной жизнью.

V. Whakapapa нельзя сократить до списка предков

Одно и то же слово может обозначать больше, чем подсказывает привычный перевод. В самоописании Ngāi Tahu whakapapa связывает семейные общности и отношения с землёй, морем и более широким миром. История iwi включает Waitaha, Ngāti Māmoe и Ngāi Tahu; местные rūnanga показывают внутреннее разнообразие. Это публичный голос конкретной организации, который не должен становиться схемой для всех Māori.

Если перевести whakapapa только как «генеалогия», читатель может представить таблицу имён. Таблица способна быть полезной, однако самоописание говорит о связях, имеющих более широкий смысл. Важно сохранить исходное слово и объяснить, какую

часть отношений рассматривает источник. Ещё важнее не придумать за него остальные детали, которых на странице нет.

Этот пример показывает, почему право объяснять собственный мир имеет познавательное значение. Носитель не просто поставляет данные для уже существующей классификации. Его язык может изменить саму классификацию. Внешний читатель приходит с разделением на природу, семью и духовность; источник обнаруживает отношения между ними. Чтобы услышать это, недостаточно вырезать наиболее красивую фразу. Нужно позволить объяснению перестроить первоначальный вопрос.

При этом признание другого понятийного мира не требует немедленно принять все его положения как свои убеждения. Можно понять, что такое отношение значит для автора, не присваивая роль участника. Уважение и согласие различаются. Эта дистанция позволяет вести взрослый диалог: у сторон остаются собственные основания, а понимание становится точнее. Без неё чтение колеблется между недоверием к чужому опыту и романтическим растворением в нём.

VI. Место не пусто потому, что посетитель его не прочёл

Глядя на незнакомый ландшафт, человек легко принимает отсутствие заметных построек за отсутствие истории. Но его зрение не знает местных названий, сезонных маршрутов и памяти. Внешнее описание «нетронутой природы» может скрывать живые отношения. Ошибка начинается в языке и затем способна влиять на то, какие действия посетитель считает безусловно допустимыми.

В рекомендациях саамского парламента Финляндии для туризма культурный ландшафт противопоставлен образу безымянной пустоты. Документ связывает ответственность с конкретными общинами, семьями и siida. Это официальный голос о представлении культуры и посещении территорий, а не наша реконструкция всех исторических саамских верований. Его масштаб важно сохранять даже при обсуждении более общей проблемы.

Условный посетитель может искренне хотеть природы без людей. Он видит красоту и не замечает работающую систему отношений. Знакомство с местным объяснением не обязано уничтожать красоту. Оно добавляет к ней понимание: здесь можно быть гостем, а не первооткрывателем. Название места превращается из украшения путеводителя в ключ к тому, что уже существует независимо от нашего приезда.

Такая перемена применима и за пределами туризма. Научный проект, фотографический альбом или образовательное занятие тоже выбирают, что считать видимым. Если люди появляются только на последней странице в виде колоритных фигур, рассказ о месте

уже был построен без них. Исправление не ограничивается добавлением портрета. Нужно включить их объяснение в сам ход мысли и проверить, какие первоначальные выводы после этого следует изменить.

Ещё один предел возникает в переводе. Местное название может иметь несколько употреблений, а выбранное русское слово сужает их. Автору полезно сказать, какую часть значения он передаёт и почему сохраняет оригинал. Это не требование нагружать каждое предложение незнакомыми терминами. Одно ясное пояснение обычно делает больше, чем множество декоративных слов. Оно показывает читателю, что перевод — работа с различиями, а не простая замена звуков.

Представим учебную страницу, на которой название места переводят только как красивый пейзаж. Если из объяснения носителей следует, что имя связано с определённым событием или отношением, перевод может оказаться неполным. Исправление состоит не в фантазии о скрытом священном смысле каждого имени, а в возвращении проверенной детали. Мы добавляем лишь то, что источник способен объяснить, и оставляем остальное вопросом. Такой порядок даёт выразительности опору.

VII. Протокол — часть смысла, а не внешняя помеха

История может иметь определённую аудиторию, время рассказа или способ передачи. Эти условия иногда воспринимают как препятствие распространению знания. Но они способны сообщать, какое отношение предполагает сама история. Убрать условия и оставить слова — значит изменить форму встречи, даже если ни одна буква не заменена.

Local Contexts описывает TK и BC Labels, с помощью которых сообщества обозначают происхождение и собственные протоколы материалов. Таксономия различает ограничения и назначения: сезонность, чувствительное содержание, использование внутри сообщества, исследование и коммерческое применение. Метки настраиваются носителями; их нельзя превращать в универсальное автоматическое разрешение или считать декоративным этническим значком.

Представим условный архив с подписью «для исследования». Редактор рекламного проекта видит, что файл доступен, и решает использовать его. Из технического доступа он вывел право на иной вид деятельности. Именно этот переход требует проверки. Возможно, разрешение будет получено; возможно, выбранная форма окажется неприемлемой. Ни удобство файла, ни искренность редактора не дают ответа вместо адресата.

Смысл протокола становится яснее, если перенести вопрос на собственную жизнь. Мы можем рассказать другу семейную историю и не хотеть её публикации. Это не делает

историю бессмысленной или недостоверной. Оно показывает предел отношений, в которых она была рассказана. Аналогия полезна для понимания, но не доказывает тождество семейной приватности и коллективных правил. Каждое конкретное условие нужно узнавать отдельно, а не выводить из личного удобства.

Цифровая среда делает эту разницу ещё заметнее. Файл способен переходить между сайтами и терять подпись, даже если никто сознательно не хотел скрыть происхождение. Поэтому атрибуция должна сопровождать материал при новом допустимом использовании. Краткая подпись без условий может оказаться недостаточной там, где источник обозначил ограничения. Необходимо сохранять связь с исходным объяснением, а не только красивое название народа.

Особый случай — автоматическое объединение материалов. Программа может сложить две похожие истории в один ответ и убрать различия времени, места и автора. Удобство ответа не делает объединение обоснованным. Редактору нужно посмотреть, каким источникам приписан общий вывод и поддерживают ли они его. Механическая аккуратность ссылки должна соединяться с чтением: рабочий адрес сам по себе не доказывает, что на странице написано именно это.

Допустим, в архиве встретились два описания одного материала: старая карточка считает его общедоступным, а поздняя запись общины указывает ограничение. Из такого расхождения нельзя молча выбрать удобную отметку. Сначала нужно выяснить происхождение обеих записей, время, полномочие говорящего и то, к какому использованию относится каждое сообщение. Это авторский пример работы с противоречием, а не пересказ конкретного архивного дела. Его смысл в том, что точная документация включает не только последнюю красивую формулировку. Она оставляет историю решения, основание перемены и вопрос, который пока не разрешён. Тогда будущий читатель сможет понять, почему материал обработан именно так, и не примет технически доступный файл за безусловно разрешённое знание.

VIII. Возвращение предков меняет положение музея

Предмет исследования не всегда может быть этически описан только как предмет. В случае останков предков язык коллекции способен скрыть отношения, которые для потомков продолжаются. Здесь точность требует услышать, кто определяет принадлежность и что считается завершением музейной работы.

Программа Karanga Aotearoa при Te Papa занимается возвращением останков Māori и Moriori. Музей описывает свою роль как временную опеку, а решения о возвращении в общины и окончательном месте возлагает на iwi. В исследовании происхождения соединяются архивные и устные свидетельства. Это конкретная современная

программа; она не доказывает, что все музеи уже действуют так или что любой вопрос происхождения решён.

Её значение для нашей темы состоит в изменении последнего слова. Учреждение может обладать профессиональными навыками сохранения и исследовательскими ресурсами. Но эти навыки не обязательно дают ему право окончательно решить судьбу предков другого народа. Компетентность в хранении и полномочия в отношениях — разные вещи. Сотрудничество начинается, когда различие признано, а не замаскировано добрыми намерениями.

Этот пример также мешает противопоставлять живую память документам. Поиск происхождения может требовать обеих форм свидетельства, их сопоставления и признания неопределённости. Устный рассказ не превращается автоматически в архивную справку, а архивная запись не становится нейтральной только благодаря возрасту. Важны происхождение каждого свидетельства, условия его проверки и решения тех, кого результат непосредственно касается. Право объяснять мир здесь соединяется с правом участвовать в действии.

Для музея это также вопрос языка. Между словом «коллекция» и словом «предки» меняется предмет объяснения. Первое описывает положение материала в учреждении. Второе указывает отношение людей. Одно слово нельзя просто запретить во всех ситуациях, но важно понять, что оно делает видимым и что скрывает. Подробная профессиональная карточка может оставаться необходимой для поиска происхождения, одновременно не исчерпывая смысл предка для потомков.

Условный музейный посетитель может сначала увидеть только историческую редкость. Прочитав описание репатриации, он узнаёт, что предмет экспозиционной логики не обязательно должен оставаться экспонатом. Его интерес сохраняется, но меняется вопрос: вместо «почему мне не показывают?» возникает «какие отношения определяют дальнейшую судьбу?». Это существенный познавательный результат. Он позволяет учиться у учреждения не только через то, что оно выставило, но и через обоснованное решение прекратить определённую форму показа.

IX. Уважение не освобождает от различения утверждений

Читатель иногда видит только два варианта: либо объявить любое традиционное утверждение установленным фактом, либо отвергнуть всё, что не оформлено как эксперимент. Оба варианта упрощают. В источнике могут соседствовать наблюдение, норма, память, положение веры и политическая цель. У них разные способы обоснования и разные вопросы, на которые они отвечают.

Рассказ о месте может сообщать проверяемую деталь маршрута и объяснять религиозное отношение. При обсуждении первой важно проверить условия наблюдения. При обсуждении второго — точно передать, чьё это убеждение и что оно означает в соответствующем мире. Научное измерение не обязано подтверждать духовную онтологию, чтобы культурный смысл был достоин понимания. Одновременно культурный смысл не отменяет проверки конкретного эмпирического вывода.

Здесь полезна связь с философией моделей. Roman Frigg и Stephan Hartmann показывают, что представление выделяет определённые черты и имеет ограничения. Применительно к нашей статье это авторская аналогия: любой внешний пересказ что-то делает заметным, а что-то оставляет за рамкой. Она не превращает традиционное знание в научную модель, но помогает проверять собственные упрощения.

Взрослый разговор способен удерживать несколько уровней без их смешения. Можно признать компетенцию человека в местном вопросе, спросить об основаниях конкретного вывода и не требовать от него отвечать за целый народ. Можно обсуждать духовное содержание без выдачи его за медицинскую рекомендацию. Точность здесь не форма холодного дистанцирования. Она позволяет уважению оставаться отношением к реальным словам, а не к идеальному образу, который мы сами создали.

Не меньшее значение имеет современность носителя. Человек может писать на двух языках, пользоваться научными методами и изменять форму передачи. Эти действия не дают внешнему читателю права объявить его знание менее собственным. Ожидание, будто достоверный носитель обязан оставаться вне технологий и современного образования, превращает уважение в требование соответствовать нашему романтическому образу. Авторство определяется реальным положением и отношениями, а не похожестью на старую иллюстрацию.

Публичный представитель тоже не обязан выражать все мнения сообщества. Если источник институциональный, мы называем учреждение. Если личный, сохраняем имя человека. Внутреннее разногласие не делает народ неспособным объяснять себя: оно показывает живых участников мысли. Разговор становится взрослее, когда от них не требуют невозможного единодушия, которого мы не ожидаем от собственной семьи, профессиональной среды или общества.

X. Диалог оставляет место ответу, которого мы не ожидали

Право носителей объяснять собственный мир означает, что результат знакомства не всегда подтверждает нашу исходную идею. Источник может отвергнуть выбранное обобщение, сузить вопрос или показать, что мы пришли не к тому адресату. Если допускается только приятный ответ о вечной мудрости, перед нами уже сценарий, в котором другим отведена роль иллюстрации.

Вернёмся к редактору из начала. Он может сохранить интерес к истории, но изменить способ работы. В публикации появятся названный автор и община, понятные условия доступа, точное указание того, что пересказано, а что является редакторским сопоставлением. Возможно, красивый универсальный совет исчезнет. Вместо него читатель увидит более сложный вопрос о памяти, месте и ответственности, который иначе вообще не возник бы.

Это не лишает нас права создавать собственные мысли. Автор может сравнивать, возражать, задавать вопросы, использовать открытые материалы в допустимых пределах. Но свою мысль следует подписывать своей ответственностью. Нельзя усиливать её авторитетом «всех коренных народов», если прочитана одна страница одного учреждения. Конкретное происхождение сохраняет свободу рассуждения, одновременно не позволяя ей занять чужой голос.

В итоге знание перестаёт быть добычей. Оно становится встречей между участниками, которые могут определять её условия и продолжение. Это не гарантирует согласия и не устраняет сложность. Зато появляется возможность настоящей коррекции: люди, о которых идёт речь, способны изменить рассказ о себе. Для серьёзного читателя такая возможность ценнее завершённой легенды, в которой всё понятно только потому, что никто больше не может ответить.

Что это значит на практике

Возьмите одну публичную публикацию, которой хотите воспользоваться, и составьте короткую карточку чтения: автор или организация, конкретный народ, место, дата, предмет, условия доступа. Выпишите один поддержанный вывод и один вопрос, который материал не объясняет. Если неизвестно, кто говорит, это отдельный пробел; не заполняйте его названием континента или словом «древний».

Затем отделите пересказ от своего применения. Авторская история о родственниках не становится универсальным упражнением благодаря красивой формулировке. Подумайте, какой переход вы совершаете: от определённого мира к общему совету, от исследования к продаже, от публичного текста к цифровому продукту. На каждом таком

переходе условия могут изменяться. Технический доступ остаётся лишь одним из фактов.

Если требуется обращение, найдите обозначенный самим источником канал и сформулируйте конкретный вопрос о конкретном материале. Отсутствие ответа не означает согласия. Для обычного чтения не нужно устраивать церемонию разрешений на каждую мысль; для использования ограниченных материалов необходимо учитывать реальные условия. Различие помогает и не присваивать, и не превращать уважение в бессодержательный страх знакомства.

Закончите практику проверкой языка собственного пересказа. Осталось ли имя? Видна ли граница утверждения? Может ли читатель найти исходное объяснение? Если да, ваш текст оставляет место носителю. Возможно, он ещё требует доработки, но уже устроен так, что исправление сможет прийти из источника, а не только из вашей уверенности.

Ключевая цитата

> *«CARE ориентированы на людей и цели».*

GIDA, CARE Principles for Indigenous Data Governance, основной поясняющий текст, абзац 3. Собственный перевод с английского. Эта короткая формула удерживает главный поворот: свойства файла важны, но не заменяют отношения к людям.

Связи между традициями

Это авторские аналитические сопоставления; историческое влияние между сторонами не устанавливается.

Позиции	Основание связи и граница
Ngāi Tahu: whakapapa ↔ «Лунь юй», III.12	Родственные связи и ритуальное присутствие позволяют обсуждать отношения поколений; whakapapa не тождественно конфуцианскому порядку жертвоприношения.
ITK: управление исследованием ↔ GIDA: CARE	Люди участвуют в определении целей знания; одна программа инуитская, другая межрегиональная, и конкретные протоколы не совпадают автоматически.
FNIGC: OCAP® ↔ Local Contexts: Labels	Обе позиции делают условия обращения с данными видимыми; модель управления First Nations и метки местных протоколов выполняют разные функции.

Позиции	Основание связи и граница
Саамский парламент: культурный ландшафт ↔ Jinja Honcho: jinja	Место имеет значение внутри отношений; саамское пользование территорией не является японской формой святилища или той же онтологией.
Te Papa: репатриация ↔ Ngāi Tahu: происхождение	Оба источника помогают увидеть связь людей и предков; музейная программа не определяет верования или решения конкретного iwi.
GIDA: цели и польза ↔ Frigg и Hartmann: модели	Оба чтения заставляют уточнять назначение представления; научная философия не заменяет коллективные полномочия и культурные условия.

Первоисточники

1. Te Rūnanga o Ngāi Tahu. Ngāi Tahu. Первичное публичное самоописание конкретного iwi; прочитан раздел Our History и объяснение местной структуры.

2. Inuit Tapiriit Kanatami. National Inuit Strategy on Research. Официальный веб-обзор; полный документ стратегии не заявлен прочитанным.

3. First Nations Information Governance Centre. OCAP®. Официальное объяснение принципов, не юридическая консультация и не протокол всех народов.

4. Global Indigenous Data Alliance. CARE Principles. Официальное описание назначения и истории разработки.

5. Stephanie Carroll и соавторы. The CARE Principles for Indigenous Data Governance. Data Science Journal, 2020, DOI 10.5334/dsj-2020-042; прочитаны отдельные фрагменты о назначении, разработке и содержании принципов, PDF pp.2,4,6, и сведения о правах; доступный PDF содержит редакционные заглушки.

6. The Sámi Parliament of Finland. Ethical Guidelines for Sámi Tourism. Первичный официальный голос; поясняющая страница к рекомендациям 2018 года.

7. Local Contexts. About the Labels. Первичное объяснение средства местных протоколов.

8. Local Contexts. Taxonomy. Справочник типов условий; не самостоятельная универсальная лицензия.

9. Museum of New Zealand Te Papa Tongarewa. Karanga Aotearoa Repatriation Programme. Первичное описание современной программы, прочитан основной текст.

10. Confucius. The Analects, III.12. Английский перевод James Legge, The Chinese Classics, Vol.1; прочитан названный фрагмент, а не весь корпус.

11. Jinja Honcho. Jinja. Официальное самоописание святилищ; используется только для ограниченного сравнения.

12. Roman Frigg, Stephan Hartmann. Models in Science. Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция 2 апреля 2025; философское справочное исследование, введение и §1.

Дата обращения: 3 октября 2026 года.

Теги

коренные народы, знание, самоописание, Inuit, ITK, First Nations, FNIGC, OCAP®, CARE, GIDA, Māori, Ngāi Tahu, whakapapa, whānau, rūnanga, Sápmi, саамы, siida, культурный ландшафт, происхождение, исследовательская этика, данные, коллективная польза, контроль, доступ, Local Contexts, TK Labels, BC Labels, репатриация, Te Papa, устная история, межкультурный диалог

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.